

8. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.

9. Макдугалл Дж.Д. Краткая история планеты Земля: горы, животные, огонь и лед // Пер с англ. СПб.: Амфора, 2001. 383 с.

10. Хаин В.Е. Расслоенность Земли и многоярусная конвекция как основа подлинно глобальной геодинамической модели // Доклады АН СССР. Т. 308. № 6. С. 1437-1440.

11. Симонов Ю.Г. Геоморфология. СПб.: Питер, 2005. 427 с.

12. Никитин Е.Д. Почва-биосфера-цивилизация (геопланетарное почвоведение и синергетика) // Синергетика. Труды семинара. Вып. 1. М.: Изд-во МГУ, 1998. С. 174-181.

13. Лебедев С.А. Философия науки: Краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М.: Академический проект, 2008. 692 с.

V.S. Danilova, N.N. Kozhevnikov

Main notions of geological world picture

The article studies foundations of the world image and main backgrounds that provided its formation. An attention is paid to contribution of disciplinary ontology to further development of modern scientific world picture. Main systems of geological world picture include "the Earth as a whole" and "the Earth crust".

Key-words: geosynclinal paradigm, mobilism, tectonic genesis, orogenesis, magmagenesis, metamorphism, minerals, rocks, geological system, geological reality, geological period, scientific world picture, disciplinary ontology.

УДК 165.1

A.B. Нехаев

МНЕНИЕ В СИСТЕМЕ ДИСКУРСА: ЛОГИКО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗНАКОВОГО МЫШЛЕНИЯ

Рассматриваются основные исследовательские интенции, применяемые при анализе способов и принципов означающей деятельности в дискурсе, опосредованном логической формой мнения. Доксология посредством адекватного анализа специфики такой саморефлексирующей знаковой системы, как нормальный язык, не блокируясь со стороны следующих концепций познавательной деятельности, в которых мнение игнорируется в качестве специфического вида дискурсивной и познавательной практики, дает возможность трансформировать семиотическую теорию означивания и логическую теорию значения в гносеологию, трактуемую как учение о правилосообразной означающей деятельности. Дифференциацию и анализ специфики такого особого вида означающей деятельности, как мнение, необходимо предпринимать, ориентируясь на две четко установленные границы – *limes lingua*, – пролегающие в теле такой знаковой системы, как нормальный язык: коммуникативная речь и денотативная речь.

Ключевые слова: мнение, докса, доксоморфный дискурс, означающая деятельность, логическая структура дискурса, супрасегментарная функция, референция, дескрипция, репрезентация, инфразызык.

Мнение является одним из видов означающей – *significance* – деятельности, и, занимая свое, четко определенное место в теле такой знаковой системы, как нормальный язык, подлежит специальному логико-семиотическому анализу.

В целом, мнение, или доксоморфный дискурс, следует интерпретировать как семиотический, или синтактико-семантический процесс, реализующийся в различных видах означающих практик, которые осуществляются через

язык, но не сводятся к его категориям, поскольку, хотя они и располагаются в языке, их отношение к нему носит «...перераспределительный, или деструктивно-конструктивный, характер...» [1, с. 400]. При этом взятый в топологической перспективе доксоморфный дискурс описывается некоторым конечным осмысленным множеством предложений – доксой, имплицитно содержащей организующую данное множество операцию – «точку зрения», индивидуализирующую ту партикулярную перспективу, исходя из которой следует анализировать или рассматривать некоторый предмет мнения – «мнимое», – и которая является своего рода логической аппликацией, или супрасегментарной функцией, собирающей множество высказываний в целое – *Ganze*, части которого более неразличимы.

HEXAEV Андрей Викторович – к.филос.н., преподаватель Омского танкового инженерного института имени П.К. Кошерева, г. Омск.

E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

Следует отметить, что именно введение определенной типологии знаковых универсумов, не сводимых друг к другу и расчленяющих язык на комплексы, образуемые знаковыми практиками, позволяет очертить специфические особенности тех дискурсов, которые детерминированы логической структурой мнения, и определить центром аналитических усилий – установление условий их множественности.

Однако прежде чем исследовать условия множественности дискурсивных практик, артикулируемых в повествовательных структурах нормального языка, необходимо установить в качестве фундамента для предпринимаемого анализа некую формальную структуру, иными словами, обнаружить в дискурсе такой элемент, который не соотносится с чем-то вне себя, и в качестве такового следует признать знак – *signum*, который по сути есть потенциальность и способ существования языка. Так, в частности, необходимо понимать, что именно знак способен избавиться от такого ряда ограничений, как форма понятия – *Begriffsform*, грамматика, поскольку знаки могут, располагаясь друг за другом, переплетаться бесконечным числом способов, маркируя тем самым перемещение дискурса по безграничному идеальному пространству – языку, предоставляя возможность прочтения дискурса как инфразыка образованного конечной системой принципов, как языка замкнутого и ограниченного, то есть дискурса в собственном смысле этого слова.

Таким образом, *исключение из состава знака референции и его произвольный характер* [2, с. 79-80] *следует воспринимать как базовые принципы предпринимаемого исследования*, которые, во-первых, позволяют выйти из подчинения семантических законов дискурса как системы коммуникации и, во-вторых, разрешают помыслить иные области означающей деятельности, помимо номотетико-дедуктивной формы аргументации, артикулируемой в основном денотативным, или даже идиоскопическим, дискурсом, высказывая тем самым предостережение против основополагающей роли структур референции и намечая логику дискурса, отличную от логики, в которой господствуют структуры референции и денотат, реизирующие, овеществляющие знак и лишаящие возможности определения знака в его отношении к различным типам означающих практик.

Итак, несомненно, что в самом общем виде в качестве элементов, подлежащих анализу, следует указать сами знаки, сочетания которых образуют такой означающий комплекс, как мнение, артикулируемое тем или иным доксоморфным по своей природе дискурсом. Но для того, чтобы исследовать данный комплекс необходимо иметь адекватное логико-семиотическое учение и разрабатывать его следует в виде аналитико-лингвистической рефлексии по поводу знака особого рода – «означающего-производящего-самого-себя» в артикулируемом и дискурсивно организованном множестве высказываний.

Для создания подобного логико-семиотического учения, прежде всего, необходимо четко очертить понятие его

предмета – мнения, или доксоморфного дискурса, вычленив его из всей совокупности означающих практик, поскольку, обретя таким образом свою специфику, это учение даст возможность осуществить детальный анализ своего объекта, определяемого как некий семиотический уровень, а именно как такой срез знаковых практик, где означающее конституируется в качестве означаемого, позволив задуматься о как таковой конститутивной работе значения, предшествующей произведенному смыслу и любому репрезентативному дискурсу, так как доксоморфный дискурс ограничивается одним только преобразованием знаковой системы, обнаруживая тем самым не что иное, как место – *φηρησις* – производства смысла, предшествующего самому смыслу, то есть *первичную систему дескрипции и референции* – *мнение*.

Необходимо отметить, что специфику доксоморфного употребления языка как особой «разновидности» обычного языкового кода отстаивают многие исследователи [3, 4, 5], но, несмотря на это предлагаемые ими определения либо выходят за рамки лингвистической области и основываются на предпосылках определенной философской или метафизической системы, как правило, неспособной разрешить проблемы, которые ставят сами языковые структуры [6, 7], либо безгранично расширяют область лингвистического изучения и превращают проблемы доксоморфного дискурса в вопрос о рассмотрении всякого языкового явления, утверждая по сути, что нормальный язык – это всего лишь частный случай более обширной формальной системы, а именно языка поэтического [8], в то время как доксоморфный дискурс представляет собой такой способ деятельности, который хотя и следует изучать в контексте знаковых систем, в частности, нормального языка, но при этом его нельзя смешивать с областью денотируемого смысла или коммуницирующего сознания, поскольку если для лингвистики язык – это система знаков, то для адекватного логико-семиотического анализа мнения язык – это обезначенное место – *φηρησις* – мысли, где следует учитывать сам способ, каким перераспределяется знаковая система, а именно логическую форму, которая детерминирует артикулируемый дискурс. Отсюда вполне понятно, что внимание доксологии сосредоточено на особенностях вполне определенного означающего комплекса – мнения – и нацелено на его специфическую логику, а именно логику языка, делающую ощутимым сам процесс выработки значения. Так, вполне очевидно, что знаки могут занимать лишь то место, которое само по себе никоим образом незначимо, каковым и является «мнимое» – предмет доксоморфного дискурса, поскольку знак обретает значение не благодаря тому, что обладает равным с ним бытийным статусом, а исключительно благодаря тому, что свободно от какого бы то ни было значения. Соответственно «мнимое» и есть то особое место – *φηρησις*, в котором располагается знак и находится то другое – предмет доксы, с чем данный знак соотносится, но которое само по себе принципиально остается свободным от какого бы то ни

было значения [9]. По сути, это предполагает трактовку мнения как своего рода *инфразыка*, то есть представление о мнении как семиологической системе, которая «...означает под языком, но никогда помимо него...» [10, с. 248], а стало быть это позволяет рассматривать мнение как такой акт, конституирующий знак, который не стремится определить его как «условную импликацию» – “*знак $\supset$ референт*”, а, скорее, как акт, – взятый в контексте сознания или ментальных актов, – который наделяет значением то, что значения не имеет [11].

При этом следует указать, что формалистическая интенция, заключающаяся в установке на анализ внутренних принципов, организующих любой смысл и любую знаковую конструкцию, предполагает строгое различие и разграничение содержания – *Gehalt* и формы – *Gestalt*, – стремясь установить основополагающие конструктивные приемы дискурса, артикулируемого в нормальном языке. Как следствие, сами приемы рассуждения – *diŏlogizim* – определяются как «...разъяснение предмета с точки зрения того, кто излагает...» [12, с. 43], тем самым в их основе уже не находятся представления об искусстве рассуждения – *ars disserendi* – как об изображении чего-то ему внеположенного, а лежит изучение формальных конструкций, когда анализу подвергается не изображаемый предмет – референт, но само конструктивное целое как вещная данность, как наличная структура, включающая в себя те или иные моменты изображенного и отрешенного референта, которые, прежде чем быть артикулированными, фикционализируются [13].

В соответствии с этим логическая форма мнения – *дьоб* есть такая означающая функция, которая не репрезентирует какую-либо «сущность» или означаемое, а маркирует множественное и случайное распределение бесконечности означивания в теле нормального языка и пространстве знакового мышления, локализуя и индивидуализируя один из возможных способов употребления знаковых структур, и хотя мнения означивают бесконечно разнообразными способами, тем не менее именно докса посредством конечной системы маркеров манифестирует эту бесконечность означающей деятельности. Таким образом, необходимо вскрыть природу этих функциональных операций и разработать такие методы семанализа, которые позволили бы приступить к созданию доксоморфной теории значения, имеющей характер топотеории акта означивания, т.к. анализирует само место – *фпрпт*, – где располагаются знаки, делая возможным исследования философских оснований знакового мышления; обнаруживая его принципы и границы, т.к. мнение есть то место, где язык рефлексивен о себе самом, проставляя собственные границы, а заодно и границы знакового мышления; мнение тем самым становится «мыслью», которая начинает осознавать себя в качестве знака.

При этом место – *фпрпт* – мышления, или «означающее-производящее-самого-себя», *non habet quidditatem nec diffinitionem*, не имея ни чтойности, ни определения,

но оцениваясь как то, что обладает *anitas* – существовательностью, *a priori* предшествующей любого рода *quidditas et diffinitio*, наличествует до любой репрезентации, то есть тому, что в нем располагается или будет располагаться – как самому телу знака, так и феномену его значения, – вследствие этого знаковое мышление интерпретируется как деятельность, предшествующая репрезентируемому и репрезентанту, и должна анализироваться через определение принципов и правил доксоморфного дискурса. В целом, сам принцип, согласно которому «...ничто, что есть продукт мышления, не должно предполагаться» [14, с. 476], позволяет сформулировать закон рефлексии, – *Reflexionsgesetz*, – который должен выступать как единое основание – *Grundlage* – знакового мышления и дискурсивной деятельности, то есть как единственный способ, каким мысль осознает себя в качестве знака, через посредство которого полагается или дискурсивно артикулируется все, что полагается. При этом *Reflexionsgesetz*, взятый в отношении языка, предполагает, что его исполнение с необходимостью утверждает – *behaupten* – свободу и образование – *bilden* – этой свободы, иными словами, закон рефлексии полагает знак не нечто как уже наличное, но именно через рефлексию позволяет ему себя самого абсолютно творить, тем самым опираясь на эти рассуждения; предполагается, что *Reflexionsgesetz* в нормальном языке имеет двойное основание: язык просто творит свободное тело знака и в последнем через его свободу творит себя самого. Иначе, рассматривая язык как логическую и нормальную, то есть правилосообразную, систему, знаковое мышление приписывает подобную структуру предмету, рассматриваемому им как внешний референт; оно его изолирует, позволяя тем самым различить, описать и отослать к нему, придает ему конечный характер, а это делает *финитизм* одним из свойств знакового мышления – *Rdsonnierendes Denken*, поскольку знак организует описываемое через ряд ограничений, производимых в теле нормального языка, то есть непосредственно через то, что является дискурсом, и находится в полном соответствии с ключевым принципом семиологии, согласно которому «...процесс смыслообразования подчинен определенным правилам; это значит, что правила не ограничивают, а, напротив, образуют смысл; смысл не может появиться при полной свободе или же при полном ее отсутствии...» [15, с. 197].

Таким образом, дискурс, понимаемый как финитный отрезок речи, единый по содержанию, производясь в языке, мыслим лишь в своей языковой манифестации и как таковой, разумеется, является предметом теории доксоморфного значения, пользующейся инструментами семанализа [16], что подчеркивает, во-первых, ее отличие от традиционной семиотики, которая в противоположность логико-семиотическому учению о знаковом мышлении и дискурсивной деятельности вовсе не стремится осуществить критический пересмотр понятия знака, и, во-вторых, акцентирует внимание на тех основаниях, которые,

являясь частью общей теории функционирования знака, не блокируют изучение различных видов означавающих практик такой структурой, как знак, а, напротив, предполагают различение в знаке его составных частей с тем, чтобы внутри него открыть новую внеположенность – принципиально обезначенный и бесформенный – *Gestaltlosigkeit* *φnpnm*, или место, где происходит мышление при помощи знака.

Иными словами, если не упустить из виду, что мнение представляет собой систему знаков, то посредством семанализа следует отыскать внутри этой системы то место действия, заслоненное от нас телом знаковой структуры, – *φnpnm*, – на котором совершается акт означивания, то есть такая операция, по отношению к которой возникающая структура – означающий комплекс есть всего лишь некий след – *vestigium*. При этом суть семанализа заключается вовсе не в том, чтобы элиминировать знак, поскольку только он и делает семанализ возможным, а просто предполагает, что подлежащая описанию структура может быть скомбинирована самыми различными способами, делая тем самым доступным для анализа и реконструкции сам процесс ее конституирования, и позволяет избежать как психологизма с его коммуникативной каузализацией, так и дескриптивизма с его реизирующей феноменологичностью, когда тело означающего комплекса уподобляется его знаковой поверхности, а структура подменяется системой дифференцированных означающих единиц, образующих некий феномен, – сообщение, произведенное на основе определенного кода.

Инкорпорируемый доксологией в набор своих аналитических средств семанализ сознательно отказывается от трактовки мнения как языкового комплекса, содержащего структурированное и денотированное определенным образом значение, которое манифестируется в теле языка и уподобляется поверхностной структуре знака, поскольку сам акт означивания представляет собой творческий языковой процесс [17], в рамках которого следует различать два компонента: артикуляцию некоторого вполне определенного конечного множества знаков и супrasegmentарную функцию, которая собирает данное множество в целое, придавая ему тем самым осмысленность и наделяя значением, и является своего рода субъектом, занимающим определенную позицию ради презентации акта самого означивания, маркирующим один из возможных способов означивания в нормальном языке, но в то же время не располагающегося ни в одном из знаков множества в отдельности, а распределенного по всему означающему комплексу – доксе.

При этом, поскольку доксоморфный дискурс полностью освобождается как от «референциального комплекса», так и от «коммуникативного комплекса», с тем, чтобы осмыслить себя *per se* в рамках принадлежащего ему пространства, постольку и определение мнения как дискурсивной практики должно быть дано именно как функции означающей деятельности в той мере, в какой *мнение не*

«выражает» эту функцию сигнификации или означивания, но ею располагает. Более того, если супrasegmentарный характер функции предполагает, что в основе того или иного множества знаков, подлежащих организации в целое, лежит не семантическое отношение означающего к означаемому, но исключительно синтаксические отношения означающих между собой, то есть значимой оказывается та роль, которую знак играет по отношению к другим знакам, то, стало быть, логико-семиотический метод, включающий с себя некоторые транслингвистические инструменты, в качестве области приложения своих аналитических усилий предполагает структуру, намного превосходящую знак, а именно дискурс, который не сводится к тому или иному высказыванию, а представляет собой способ транслингвистического функционирования в силу того, что действуя в языке, дискурс заново продумывает язык. Иными словами, он перераспределяет языковой порядок, осуществляя тем самым параграмматическую операцию, тем самым *доксоморфное употребление языка неразрывно связано с ненормологическими, то есть параграмматическими артикуляциями в дискурсе.* Соответственно *такое представление о доксоморфном употреблении языка требует замены понятия языкового закона – нпмпт – понятием языковой упорядоченности – дйеопдпт, – или осмысленности – Besonnenheit, когда нормальный язык предстает не как механизм, управляемый определенными заранее установленными принципами, а как своего рода структура, согласуемые части которой зависят друг от друга.*

Таким образом, доксоморфный дискурс представляет собой нечто большее, нежели то или иное множество высказываний, потому как он располагает супrasegmentарной функцией, связывающей многие высказывания в целое и осуществляющей операцию, согласно которой «означающее-производящее-самого-себя», артикулируясь в некотором вполне определенном конечном множестве знаков – доксе, образует означающий комплекс – мнение, посредством которого знаковое мышление получает к себе доступ и исследует как собственные границы, так и границы любой выразимой в языке предметности, ведь «...мышление границы есть одновременно и граница мышления...» [18, с. 124]. Тем самым принципы, согласно которым функционирует такая познавательная форма, как мнение, в полной мере могут быть применены и к основаниям знакового мышления, пользующегося этой познавательной формой, так как «...мышление есть по преимуществу действие, оперирующее знаками...» [19, с. 348].

Л и т е р а т у р а

1. Кристева Ю. Текст романа // Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 395-593.
2. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: КомКнига, 2006. 256 с.

3. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
4. Марти А. Об отношении грамматики и логики // Логос. 2004. № 1. С. 138-168.
5. Шнитцер Л. Словесное искусство и наука о языке // Проблемы литературной формы. М.: КомКнига, 2007. С.189-216.
6. Ельмслёв Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
7. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М.: Intrada, 2000. 162 с.
8. Фосслер К. Эстетический идеализм: Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 144 с.
9. Юнгер Ф.Г. Слово и знак // Язык и мышление. СПб.: Наука, 2005. С. 69-103.
10. Барт Р. Основы семиологии // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 247-310.
11. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2007. 495 с.
12. Фрагменты ранних стоиков: Зенон и его ученики. М.: Изд-во «Греко-латинский кабинет», 1998. Т. 1. 234 с.
13. Кристева Ю. Разрушение поэтики // Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 5-30.
14. Фихте И.Г. Наукоучение 1805 г. // Система учения о нравах согласно принципам наукоучения; Наукоучение 1805 г.; Наукоучение 1813 г.; Наукоучение 1814 г. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 349-480.
15. Барт Р. Система моды // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 2003. С. 29-356.
16. Кристева Ю. УзмейщфйкЮ. Исследования по семанализу: Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 31-394.
17. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. 232 с.
18. Юнгер Ф.Г. Опосредование и граница: К истории гегелевской диалектики // Язык и мышление. СПб.: Наука, 2005. С. 104-150.
19. Витгенштейн Л. Голубая книга: Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 341-416.

A.V. Nekhaev

View in the system of discourse: logical-semiotic aspects of symbol thinking

The author studies principal research intentions applied at analysing of methods and principles of sign activity in discourse mediated by logical view form. Doxology by means of adequate specific analyses of self-reflexing sign system as an ordinary language that is not blocked by conceptions of cognitive activity (where view is ignored as a specific kind of discursive and cognitive practice) allows to transform a semiotic theory of signs and a logic theory of meaning to gnoseology. Differentiation and analyses of specificity of special kind of symbolizing activity as a view can be accepted according to two definitely set borders – *limes lingua*- that can be observed in such sign system as an ordinary language: communicative speech and denotative speech.

Key-words: view, doxa, doxomorphic discourse, symbolizing activity, discourse logoc structure, supra-segment finction, references, description, representation, infra-language.

